A 393
520

A 323/520
2007041314
Библіотека Румянцевскаго музея

ДАРДАНЕЛЛЫ, БОСФОРЪ И ЧЕРНОЕ МОРЕ ВЪ XVIII ВѢКѢ. ОЧЕРКИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРІИ ВОСТОЧНАГО ВОПРОСА.

Соч. Г. Уляницкаго. Москва. 1883 г. 8⁰, стр. 451 + Приложенія стр. CCLX.

Рецензія профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета
Ѳ. Ѳ. Мартенса.

Литература исторіи Восточнаго вопроса весьма богата замѣчательными изслѣдованіями, авторы которыхъ старались выяснить причины зарожденія этого вопроса и фазисы его развитія вплоть до самаго новѣйшаго времени. Благодаря обнародованію въ последнее время бывшихъ до сихъ поръ неизвѣстными архивныхъ матерьяловъ по этому вопросу, историки и политическіе писатели съ особеннымъ рвеніемъ принялись за изслѣдованіе его, въ особенности въ самое послѣднее время. Труды фонъ Ранке, Арнета, Бера, Сореля и многихъ другихъ основаны, въ особенности, на изученіи источниковъ, хранящихся въ различныхъ государственныхъ архивахъ. У насъ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, Архивъ князя Воронцова и Русскій Архивъ заключаютъ въ себѣ множество документовъ, относящихся до исторіи отношеній Россіи къ Оттоманской Имперіи какъ въ прошломъ столѣтіи, такъ и въ нынѣшнемъ.

Но всѣ эти богатые матерьялы еще не приведены въ систематическій порядокъ, не очищены скальпелемъ исторической критики и не освѣщены свѣтомъ науки. Множество имѣется у насъ спеціальныхъ, разбросанныхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, статей по Восточному вопросу, вызванныхъ болѣе или менѣе интересомъ, который этотъ вопросъ возбуждалъ въ данное время.

Но всесторонней исторіи отношеній Россіи къ Оттоманской Имперіи до сихъ поръ русская историческая литература не дала, несмотря на тотъ исключительный интересъ, который этотъ предметъ долженъ представить для каждаго русскаго читателя. Русскія изслѣдованія по этому предмету являются вполнѣ случайными и потому не даютъ полной картины отношеній Россіи къ Восточному вопросу и не всегда чужды постороннихъ наукѣ соображеній.

Авторъ вышеприведеннаго сочиненія также сознается, что «послѣдняя война Россіи съ Турціей, ея результаты и возбужденныя ею пререканія объ исторической миссіи Россіи на Востокѣ» побудили его изслѣдовать исторію русской дипломатіи по отношенію къ Восточному вопросу Онъ поставилъ себѣ задачею выяснить «въ чемъ заключались, въ частности въ XVIII вѣкѣ, историческія традиціи и задачи русской политики» на Востокѣ. Результатъ, къ которому онъ пришелъ, заключается въ томъ положеніи, что «вопросы національный и вѣроисповѣдный были лишь въ зародышѣ и служили пока лишь однимъ изъ средствъ Россіи въ ея стремленіи къ обезпеченію своихъ ближайшихъ интересовъ, каковыми были: безопасность русско-татарской границы и экономическое развитіе южно-русскихъ окраинъ того времени».

Г. Уляницкій желалъ доказать въ настоящемъ своемъ изслѣдованіи, что всѣ отношенія Россіи къ Турціи имѣли, въ особенности, въ виду добиться свободы прохода для русскихъ судовъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы и вообще свободы судоходства на Черномъ морѣ. Онъ находилъ возможнымъ, какъ онъ выражается, «*выдѣлить*» эту «экономическую» сторону Восточнаго вопроса въ отдѣльное самостоятельное изслѣдованіе, предоставляя себѣ право впослѣдствіи заняться «національною и вѣроисповѣдною» стороною отношеній Россіи къ Оттоманской имперіи.

Надо отдать справедливость Г. Уляницкому, что несмотря на неудачный, по моему мнѣнію, пріемъ его изслѣдовать исторію Восточнаго вопроса, онъ всетаки разрѣшилъ блестящимъ образомъ поставленную себѣ задачу и ему удалось рельефно выставить ту сторону нашихъ отношеній къ Турціи, которая до сихъ поръ оставалась почти совершенно незатронутою. Въ качествѣ служащаго въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Г. Уляницкому были доступны всѣ богатыя сокровища, хранящіяся въ этомъ образцовомъ архивѣ, относительно исторіи отношеній Россіи къ иностраннымъ державамъ. Будучи магистрантомъ по международному праву Г. Уляницкій естественно оста-

навливался, при изученіи архивныхъ источниковъ, на такихъ вопросахъ, которые мало представляютъ интереса для историка, но весьма любопытны для спеціалиста по международному праву. Такъ, изучая отношенія Россіи къ Франціи во время войны 1768—1774 г. между Россіей и Оттоманскою имперіей, авторъ подробно останавливается на положеніи нейтральной торговли, опредѣленіи предметовъ военной контрабанды и т. п. (стр. 175 и слѣд.). Приведенныя имъ извлеченія изъ архивныхъ документовъ относительно этихъ вопросовъ, весьма любопытны, но можно сомнѣваться въ умѣстности ихъ въ сочиненіи, посвященномъ исторіи Восточнаго вопроса.

Впрочемъ такія экскурсіи Г. Уляницкаго въ области, стоящія за предѣлами, которые онъ самъ себѣ отмежевывалъ для своего изслѣдованія, объясняются неудержимымъ желаніемъ его воспользоваться, по возможности, всѣми матерьялами, которые въ архивѣ находились въ его распоряженіи. Богатство обнародованныхъ имъ, въ первый разъ, матерьяловъ весьма значительно и уже въ этомъ отношеніи его трудъ представляется драгоцѣннымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу. Но Г. Уляницкій не ограничился обнародованіемъ множества новыхъ дипломатическихъ документовъ, онъ сдѣлалъ попытку освѣтить ихъ съ точки зрѣнія экономическихъ интересовъ, которые Россія преслѣдовала въ своихъ отношеніяхъ къ Оттоманской имперіи.

Все сочиненіе авторъ распредѣляетъ на три отдѣла: 1) введеніе, обнимающее торговыя сношенія на Черномъ морѣ и черезъ проливы въ древнія времена; 2) время отъ завоеванія Константинополя до турецкихъ войнъ Петра I-го и 3) время отъ конца XVII вѣка до Кучукъ-Кайнарджійскаго мира 1774 года.

Остановимся на каждомъ изъ этихъ трехъ отдѣловъ.

I. Во введеніи, состоящемъ всего изъ шести страницъ, авторъ указываетъ на тотъ фактъ, что вопросъ о судоходствѣ по Черному морю и соединяющихъ его съ другими морями проливахъ имѣетъ свою исторію уже съ древнѣйшихъ временъ классическаго міра. На побережьи Чернаго моря сходились торговые пути изъ Средней Азіи и Индіи, а богатства древней Колхиды составляли приманку для греческихъ отважныхъ мореходцевъ. Затѣмъ авторъ упоминаетъ объ установленіи Юстиніаномъ высокихъ пошлинъ со всѣхъ судовъ, проходящихъ въ Черное море чрезъ проливы; о колоніяхъ Генуэзцевъ на азіатскомъ берегу Чернаго моря и, въ частности, въ Крыму, изъ которыхъ особеннаго процвѣтанія достигла

Каффа. Начиная съ половины XV вѣка турки завладѣваютъ обоими проливами, Дарданеллами и Босфоромъ, и тогда возникаетъ вопросъ: какъ они будутъ относиться къ коммерческимъ судамъ иностранныхъ государствъ, желающимъ проходить чрезъ проливы?

Таково содержаніе этого краткого введенія, составляющаго наболѣе слабую часть всего сочиненія. На шести страницахъ нельзя иначе, какъ только въ общихъ фразахъ, разсказать исторію торговыхъ сношеній въ продолженіи многихъ вѣковъ. Авторъ не даетъ никакихъ точныхъ понятій объ этомъ періодѣ въ исторіи судоходства по Черному морю и ему остались неизвѣстными такія сочиненія по исторіи итальянскихъ колоній на берегахъ Чернаго моря какъ напр. *Heyd* (Le colonie commerciali degli Italiani in Oriente nel medio evo. Venezia e Turino 1866). *Ricotti* (Liber jurium reipublicae Genuensis, 1854—1857) *Tafel u Thomas* (Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republick Venedig, Wien 1856) и др.

Правда, въ сочиненіи, посвященномъ исторіи Восточнаго вопроса въ XVIII вѣкѣ, нѣтъ надобности говорить о генуэзскихъ колоніяхъ въ Крыму въ XIII вѣкѣ или объ исторіи о золотомъ рунѣ въ древности. Но если авторъ считалъ нужнымъ написать введеніе къ этой исторіи XVIII вѣка, то слѣдовало его составить настолько подробно, чтобы можно было прослѣдить историческую нить, связующую судоходство на Черномъ морѣ до завоеванія Константинополя турками и послѣ той катастрофы.

II. Этотъ сильный упрекъ можно также сдѣлать Г. Уляницкому за изложеніе исторіи судоходства чрезъ проливы и по Черному морю въ продолженіи перваго періода т. е. начиная съ завоеванія Константинополя и Черноморскаго побережья турками до турецкихъ войнъ Петра I. На исторію этихъ двухъ съ половиною столѣтій авторъ удѣляетъ только 15 страницъ! Эта чрезмѣрная сжатость изложенія объясняетъ нѣкоторыя недоразумѣнія, которыя вызываются сообщенными авторомъ обстоятельствами и соображеніями.

Такъ авторъ разсказываетъ, что послѣ водворенія турокъ на берегахъ проливовъ торговое чрезъ нихъ судоходство «не было повидимому абсолютно запрещено» (стр. 9). Изъ договоровъ, заключенныхъ турками съ Венеціей въ концѣ XV и началѣ XVI ст., видно, что венеціанцамъ оно не было запрещено. Договоръ 1479 г. положительно подтверждаетъ это заключеніе, равно какъ имъ утверждается право турецкихъ властей подвергать осмотру всѣ ино-

странныя суда, желающія проходить чрезъ проливы въ Черное море и наоборотъ. Только авторъ сомнѣвается въ томъ, чтобъ свобода торговли, признанная Портою въ нѣкоторыхъ договорахъ съ европейскими державами, распространялась бы также на Черное море, «такъ какъ о судоходствѣ въ Черномъ морѣ въ этихъ договорахъ не упоминается». По мнѣнію автора, для судоходства въ Черномъ морѣ подданные дружескихъ съ Турціей державъ нуждались въ спеціальномъ постановленіи трактатовъ.

Такое предположеніе несовсѣмъ подтверждается достовѣрными фактами. Авторъ упустилъ изъ виду слѣдующее обстоятельство: по завоеваніи турками Константинополя и земель на Черноморскомъ побережьи, завоеватели нисколько не поставили себѣ цѣлью все поставить верхъ дномъ въ занятыхъ ими земляхъ. Турки, какъ всѣ другіе мусульманскіе или непріятельскіе завоеватели, ограничивались утвержденіемъ своей власти въ завоеванныхъ странахъ и требованіемъ уплаты въ ихъ казну опредѣленной дани или исполненія другихъ какихъ нибудь повинностей. Этимъ общимъ характеромъ нецивилизованныхъ завоевателей объясняется тотъ положительный фактъ, что турки, завоевавъ Константинополь, нисколько не измѣнили сразу всѣ порядки, существовавшіе въ предѣлахъ Византійской имперіи. Такъ, между прочимъ, они оставили въ силѣ порядки, установившіеся на берегахъ Босфора и на Черноморскомъ побережьи относительно иностранныхъ торговцевъ и въ особенности ихъ подсудности своимъ консуламъ или Baïlo. Уже въ 1453 году т. е. въ годъ завоеванія Константинополя, султанъ Мухаммедъ II утвердилъ за Генуэзскою республикою всѣ тѣ права и преимущества, которыми выходцы ея пользовались во времена существованія Византійской имперіи. Тоже самое Порта признала за Венеціанскою республикою [1]).

Если наконецъ припомнить общеизвѣстный фактъ, приведенный также Г. Уляницкимъ, о нерасположеніи турокъ заниматься мореходствомъ, то неестественнымъ представляется запрещеніе ими судоходства въ Черномъ морѣ, которое могло принести султанской казнѣ только доходъ, ничѣмъ не нарушая политическихъ интересовъ Турціи.

---

[1]) Miklosisch et Müller. Acta et diplomata graeca res graecas italasque illustrantia, 1865, t. III, p. 287.—Heyd. Colonie commerciali, t. I, p. 471. Срав. *мое* соч. о консулахъ и консульской юрисдикціи на Востокѣ (Спб. 1873), стр. 193.

Если же не всѣ международные трактаты, заключенные Портою въ XV или XVI ст. съ иностранными державами, не упоминаютъ спеціально о правѣ судоходства подданныхъ послѣднихъ въ Черномъ морѣ, то это обстоятельство скорѣе свидѣтельствуетъ въ пользу существованія этого права, нежели противъ него. Наконецъ, если такихъ международныхъ актовъ или «капитуляцій» Турція заключила первоначально только съ Генуэзскою и Венеціанскою республиками, то этотъ фактъ объясняется вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ тѣми исключительными интересами, которые эти итальянскія правительства защищали въ странахъ, завоеванныхъ турками. Другія христіанскія державы не могли вступить въ дружескія отношенія къ Турціи, объявленной римскими папами врагомъ всего христіанскаго міра и не было такихъ важныхъ интересовъ, которые въ состояніи были бы заставить позабыть чувства непріязни и отвращенія, съ которыми христіанскіе народы относились въ XV и XVI вв. къ туркамъ.

Какъ только политическіе интересы указали на пользу дружескихъ сношеній съ Оттоманскою имперіей, чувства отвращенія немедленно отступали на задній планъ. Лучшее доказательство исторія возникновенія самыхъ дружескихъ и союзныхъ сношеній между Турціей и Франціей въ XVI столѣтіи, вслѣдствіе возможности для Франциска I найти въ султанѣ Солиманѣ II могущественнаго союзника для войны противъ Карла V-го [1]).

Впрочемъ, несмотря на сжатость изложенія, Г. Уляницкому удалось на 15 страницахъ обнаружить основательное знакомство съ источниками, относящимися до исторіи взаимныхъ отношеній Турціи къ западно-европейскимъ государствамъ въ продолженіи перваго періода. Онъ объясняетъ какимъ образомъ удалось, мало по малу, англичанамъ и голандцамъ освободиться въ своихъ торговыхъ сношеніяхъ съ землями, находящимися подъ властью султана, изъ подъ опеки французскихъ консуловъ и агентовъ. Онъ заключаетъ, на основаніи собранныхъ имъ фактовъ, что Черное море было открыто въ концѣ XVII в. для англичанъ и голандцевъ и что въ тоже время Порта всѣми средствами покровительствовала развитію иностранной торговли съ Константинополемъ и подозрительно смотрѣла на корабли, входящіе или выходящіе изъ Чернаго моря. Но чѣмъ, спрашиваетъ самъ авторъ, объясняется такая по-

---

[1]) Charrière. Négotiations de la France dans le Levant, t. I, Introduction, p. III et suiv.

дозрительность турецкаго правительства въ отношеніи судоходства въ Черномъ морѣ? Разрѣшеніе этого вопроса Г. Уляницкій находитъ въ донесеніяхъ русскихъ посланниковъ изъ Константинополя 1700—1701 года и разсмотрѣніемъ ихъ онъ открываетъ изложеніе исторіи черноморскаго судоходства во второмъ періодѣ.

III. Во второмъ періодѣ, обнимающемъ время отъ конца XVII вѣка до Кучукъ-Кайнарджійскаго мира 1774 года, Г. Уляницкій останавливается, прежде всего, на Константинопольскомъ мирномъ трактатѣ 1700 и на посольствахъ и переговорахъ съ Портою Украинцева и Голицына. Затѣмъ онъ подробно излагаетъ дипломатическіе переговоры, приведшіе къ заключенію Бѣлградскаго мирнаго трактата 1739 года. Далѣе слѣдуетъ разборъ различныхъ проектовъ и мнѣній русскихъ общественныхъ дѣятелей и посланниковъ относительно устройства русской торговли и судоходства въ Черномъ морѣ за время съ 1739 по 1768 годъ. Наконецъ весьма подробно излагаетъ авторъ всѣ событія и дипломатическіе переговоры между Россіей и Оттоманскою имперіей въ продолженіе первой половины царствованія Императрицы Екатерины II. Этотъ подробный историческій очеркъ оканчивается анализомъ постановленій Кучукъ-Кайнарджійскаго мирнаго трактата 1774 года. Наконецъ научную цѣнность настоящаго труда значительно увеличиваютъ *«Приложенія»*, въ которыхъ въ первый разъ обнародуются весьма любопытные акты касательно исторіи отношеній Россіи къ Турціи, найденные авторомъ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ сочиненія Г. Уляницкаго (всего 432 страницы) имѣется такое богатство новыхъ матерьяловъ и фактовъ относительно исторіи прошлаго столѣтія, что обнародованіе и разработка ихъ на всегда составитъ заслугу молодаго автора. Мы не имѣемъ возможности останавливаться на всѣхъ даже главнѣйшихъ пріобрѣтеніяхъ, сдѣланныхъ г. Уляницкимъ для обогащенія исторической науки. Мы должны ограничиться указаніемъ только на такіе факты и соображенія, которыя заслуживаютъ особаго вниманія.

Весьма любопытными представляются подробности, приводимыя авторомъ относительно поѣздки русскихъ посланниковъ Украинцева и Чередѣева въ 1699 году, въ Константинополь на русскомъ военномъ 46-пушечномъ кораблѣ, который сталъ на якорь предъ столицею султана и появленіемъ своимъ произвелъ всеобщій переполохъ. Послѣ аудіенціи у султана на переговоры съ русскими

уполномоченными былъ назначенъ Портою Александръ Маврокордато. На 3-й же конференціи русскіе посланники сообщили, что Царь желаетъ, чтобъ «на обѣ стороны купцамъ со всякими товары ..... моремъ (Чернымъ) на корабляхъ и иныхъ (морскихъ) судахъ до государствъ обоихъ великихъ государей до порубежныхъ и до царствующихъ градовъ и до Крыму вольно и безопасно ѣздить и ходить и торговать и въ пристанища для воды и хлѣба и иныхъ живностей приставать безъ осматриванія товаровъ ихъ» и т. д.

Но турецкій уполномоченный на отрѣзъ отказался включить подобную статью въ проектированный международный трактатъ. Онъ утверждалъ, какъ доносилъ Украинцевъ, что «московскіе корабли и иные суды по Черному морю и напередъ сего никогда не хаживали и нынѣ того не будетъ», потому что «по Черному морю нѣкоторыхъ государствъ торговые люди на корабляхъ своихъ не ходятъ и торговыхъ промысловъ въ тамошнихъ мѣстахъ не имѣютъ, и для того пріѣзду царскаго величества кораблей сдѣлается у Керчи нарочная московская корабельная пристань. . . . и построятся кладовые амбары и гостинные дворы, купцы будутъ жить безобидно; позволено будетъ и церковь построить». Даже «Французамъ, Англичанамъ, Голландцамъ и Венетамъ торговымъ людямъ по Черному морю на корабляхъ своихъ ходить не позволено, то де и царскаго величества торговымъ людямъ на корабляхъ своихъ хожденія имѣть по тому Черному морю немочножъ».

Но русскіе посланники не унывали и все возвращались къ своему первоначальному требованію о свободѣ плаванія русскихъ судовъ въ Черномъ морѣ. Тогда представитель Порты сталъ доказывать, что «тѣмъ Чернымъ моремъ и кругомъ его всѣми берегами владѣетъ одинъ салтанъ, а того государя къ тому морю никакого владѣнія, ни мѣста, нигдѣ не бывало и нынѣ нѣту и того ради и нынѣ и никогда плаванія по Черному морю московскимъ кораблямъ и никакимъ судамъ позволено не будетъ». Однако и этотъ юридическій доводъ не убѣдилъ русскихъ уполномоченныхъ въ тщетности ихъ стараній. Тогда наконецъ Маврокордато объявилъ имъ, отъ имени Высокой Порты, что «имѣетъ государство оттоманское тѣ моря яко чистую и непорочную дѣвицу, и нетокмо имѣть на нихъ кому плаваніе, но и прикоснутися никого никогда не допуститъ».

Украинцевъ долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ всѣми этими доводами и донести Царю, что «то де Черное море называеца у нихъ (Турокъ) чистая, непорочная дѣвица, потому что

никому не откровенно» и что, по словамъ турецкаго уполномоченнаго «развѣ де оттоманское царство перемѣнитца, и тогда христіанскихъ государей кораблямъ плаваніе на Черномъ и на другомъ Чермномъ морѣ — что въ Палестинѣ — отворитца» (стр. 28).

При такихъ обстоятельствахъ Константинопольскій трактатъ нисколько не открылъ доступъ въ Черное море русскимъ кораблямъ и Турція отказывала въ исполненіи желанія Россіи, основываясь на своемъ правѣ владѣнія всѣмъ береговымъ пространствомъ на Черномъ морѣ и на стародавнемъ обычаѣ.

Это положеніе защищала Порта съ неменьшею энергіей на мирномъ конгрессѣ въ Нѣмировѣ и во время переговоровъ о заключеніи Бѣлградскаго мирнаго трактата. Г. Уляницкій весьма основательно предпосылаетъ изложенію этихъ переговоровъ краткую характеристику отношеній и торговыхъ интересовъ западно-европейскихъ державъ и въ частности Франціи въ предѣлахъ Оттоманской имперіи. Не имѣя въ виду особенныхъ преимуществъ, которыя признавались самою Портою за представителемъ Версальскаго двора при ней аккредитованномъ, нельзя себѣ объяснить той выдающейся роли, которую игралъ въ продолженіе этихъ переговоровъ Вильневъ.

Франція, не менѣе самой Порты, не желала допустить развитіе русской торговли на Черномъ морѣ и потому представитель ея, бывшій не только посредникомъ, но и уполномоченнымъ Россіи, съ блестящимъ успѣхомъ интриговалъ противъ признанія со стороны турецкаго правительства справедливости русскаго требованія присоединить Очаковъ, Кинбурнъ и Крымъ.

Бѣлградскій мирный трактатъ оставилъ вопросъ о русскомъ судоходствѣ въ Черномъ морѣ въ прежнемъ положеніи и «русское правительство», говоритъ Г. Уляницкій, «ясно видѣло недоброжелательство, зависть и опасенія западныхъ державъ въ вопросѣ о расширеніи русской торговли путемъ свободы русскаго судоходства въ Черномъ морѣ«. (стр. 69).

Но вопросъ этотъ не могъ заглохнуть разъ русское правительство прониклось сознаніемъ огромной его важности для процвѣтанія всего Юга Россіи. Весьма любопытны мѣры, къ которымъ прибѣгало правительство Императрицы Елисаветы Петровны для удовлетворительнаго его разрѣшенія. Наши посланники въ Константинополѣ указывали на необходимость учрежденія въ турецкой столицѣ и главнѣйшихъ турецкихъ портахъ русскихъ купеческихъ конторъ и на лучшее устройство нашихъ портовъ для

торговли съ Турціей. Обрѣзковъ доказывалъ, что добиться отъ Порты признанія свободы судоходства по Черному морю — дѣло чрезвычайно трудное и «самокрайной нѣжности». Въ 1761 году учрежденная при Правит. Сенатѣ комисія о коммерціяхъ рѣшила отправить одного изъ своихъ членовъ, Лодыгина, къ Сѣчи Запорожской для изученія на мѣстѣ тамошней торговли съ Турціей. Лодыгину удалось «пристойно уговорить» нѣкоторыхъ Московскихъ первостатейныхъ купцовъ приступить къ торговому дѣлу въ Туречину и даже отправить отъ нихъ «антрепренера» въ Царьградъ для изученія условій торговли (стр. 88).

Но эта попытка также не увѣнчалась успѣхомъ и до воцаренія Императрицы Екатерины II вопросъ о судоходствѣ на Черномъ морѣ нисколько не подвинулся впередъ. У Россіи не было портовъ и русское купечество, вслѣдствіе невѣжества своего и непорядочности не въ состояніи было поддерживать торговыя сношенія съ Турціей. Порта же опасалась открыть русскимъ кораблямъ свободный доступъ въ Черное море и въ проливы.

Русскіе купцы возили свои товары на турецкихъ (греческихъ) судахъ въ Константинополь, а въ Россіи обмѣнъ товаровъ между ими и турецкими купцами производили на Дону, у Темерниковскаго порта, въ Таганрогѣ, въ Черкаскѣ, на Днѣпрѣ и т. д. (стр. 104).

Когда Екатерина II вступила на престолъ русская политика послѣдовательнымъ образомъ стремится къ разрѣшенію вѣковой задачи: къ открытію Чернаго моря для русской торговли. Императрицѣ удалось разрѣшить ее самымъ блестящимъ образомъ. Г. Уляницкій старается доказать, что знаменитая архипелагская экспедиція гр. А. Г. Орлова имѣла исключительною цѣлью пріобрѣсти морскую станцію на Средиземномъ морѣ и добиться свободы судоходства черезъ проливы. Если Императрица такъ энергически добивалась присоединенія къ Россіи Крымскихъ татаръ, то потому что желала открыть доступъ для русской торговли къ Черному морю.

Весьма подробно излагаетъ авторъ дипломатическіе переговоры, предшествовавшіе заключенію Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Приведенные въ его сочиненіи новые дипломатическіе акты въ состояніи бросить больше свѣта на взаимныя въ это время отношенія Россіи къ Франціи, Австріи, Пруссіи и, въ особенности, къ Оттоманской имперіи. Г. Уляницкій приходитъ къ заключенію, что въ «турецкую войну 1768—1774 торговый интересъ игралъ наряду съ татарскимъ вопросомъ первенствующее значеніе; это значеніе тор-

говаго интереса признавалось и иностранными правительствами» (стр. 166).

Но не смотря на полное уваженіе къ рѣдкому трудолюбію автора при обработкѣ этого интереснѣйшаго періода нашей исторіи, я не могу не сдѣлать ему одинъ общій упрекъ: онъ постоянно забываетъ, что вопросъ о судоходствѣ въ Черномъ морѣ и чрезъ проливы составляетъ предметъ его изслѣдованія. Онъ подробно излагаетъ сперва отношенія Россіи къ Франціи (стр. 167—207) и при случаѣ останавливается на изслѣдованіи положенія нейтральной торговли, практики о блокадѣ и о корсарствѣ во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Я нисколько не намѣренъ сказать, что его разсужденія о предметахъ военной контрабанды и о блокадѣ лишены интереса. Но мнѣ кажется, что они неумѣстны и попали подъ перо автора вѣроятно потому, что при разборѣ архивныхъ дѣлъ за этотъ періодъ времени попадали ему также въ руки дѣла касательно правъ нейтральной торговли.

Равнымъ образомъ авторъ приводитъ весьма интересныя данныя объ отношеніяхъ Россіи и Англіи (стр. 206—306), о раздѣлѣ Польши, (стр. 283, 309 и слѣд.) о взаимныхъ отношеніяхъ между Россіей, съ одной стороны, и Австріей и Пруссіей, съ другой. Но едвали авторъ былъ бы въ состояніи доказать, что всѣ дипломатическіе переговоры между приведенными державами, о которыхъ онъ такъ подробно повѣствуетъ, относятся до исторіи «Дарданелловъ, Босфора и Чернаго моря въ XVIII вѣкѣ». Вопросъ о свободѣ судоходства въ Черномъ морѣ совершенно забывается авторомъ въ концѣ изслѣдованія, которое болѣе представляется «очерками дипломатической исторіи Восточнаго вопроса», нежели исторіею торговли и судоходства въ Черномъ морѣ.

Съ другой стороны, непонятнымъ кажется, что авторъ останавливается на Кучукъ-Кайнарджійскомъ трактатѣ въ изложеніи исторіи черноморскаго судоходства. Этотъ актъ только открылъ возможность Екатеринѣ II разрѣшить вопросъ о русскомъ свободномъ судоходствѣ въ Черномъ морѣ въ томъ смыслѣ, какъ того требовали законные интересы Россіи. Кучукъ-Кайнарджійскій миръ привелъ къ завоеванію Крымскаго полуострова и къ заключенію въ 1783 году знаменитаго торговаго трактата съ Отгоманскою имперіей, дѣйствительно обезпечившаго за русскими судами право свободнаго плаванія въ Черномъ морѣ.

Между тѣмъ Г. Уляницкій ничего не говоритъ объ этихъ событіяхъ, увѣнчавшихъ зданіе, о первыхъ фазисахъ постройки ко-

того онъ приводитъ столько любопытныхъ подробностей. Этотъ существенный пробѣлъ я могу себѣ объяснить только желаніемъ автора издать въ скоромъ времени продолженіе этого перваго сво его труда, для котораго онъ собралъ столько матеріаловъ, что въ одномъ томѣ соединить ихъ оказалось невозможнымъ.

Но, есть еще одинъ принципіальный пунктъ, насчетъ котораго я не могу не высказать полное разногласіе съ уважаемымъ авторомъ разбираемаго мною сочиненія. Это — *система изложенія.* По моему мнѣнію, принятая имъ система слишкомъ случайная и произвольная. Почему онъ взялъ только два періода, а не три или четыре, въ исторіи развитія Восточнаго вопроса — остается невыяснимымъ. Почему онъ избралъ порядокъ изложенія дипломатическихъ переговоровъ передъ Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ по государствамъ — также трудно себѣ объяснить.

Мнѣ кажется, что если вникнуть глубже въ исторію Восточнаго вопроса, насколько она касается въ особенности Чернаго моря и проливовъ Басфора и Дарданелловъ, то въ основаніи всѣхъ международныхъ отношеній и дипломатическихъ переговоровъ съ Оттоманской имперіей лежитъ одна идея — *идея безопасности* этого государства. Въ виду этой основной и руководящей идеи въ отношеніяхъ международныхъ къ Турціи можно замѣтить два фазиса: 1) сама Оттоманская имперія въ состояніи охранять своими средствами свою безопасность противъ внѣшнихъ враговъ; 2) она лишилась этой способности и ея безопасность дѣлается предметомъ заботливости со стороны другихъ государствъ, проникнутыхъ сознаніемъ необходимости охранять дальнѣйшее существованіе этого мусульманскаго государства на берегахъ Чернаго моря.

Если вникнуть въ эти два положенія, то не трудно будетъ себѣ объяснить, почему до первой половины прошлаго столѣтія турецкое правительство само энергически сопротивлялось попыткамъ Россіи сдѣлаться торгующею на Черномъ морѣ державою и содержать тамъ свои коммерческій и военный флоты. Но по мѣрѣ того, какъ политическое безсиліе Турціи сдѣлалось хроническимъ и явно обнаружилось, западно-европейскія державы, убѣдившись въ необходимости существованія этого государства, поставили цѣлью своей восточной политики — охраненіе *общими* силами неприкосновенности и безопасности Оттоманской имперіи.

Отсюда — нескончаемыя посредничества этихъ державъ во всѣхъ случаяхъ, когда Турція была безпомощна предъ счастливымъ побѣ-

дителемъ. Отсюда — постоянныя вмѣшательства западно-европейскихъ державъ во взаимныя отношенія Россіи и Турціи.

Г. Уляницкій не вникъ въ эту суть Восточнаго вопроса и потому встрѣчаются у него колебанія, повторенія и неопредѣленность въ порядкѣ изложенія дипломатическихъ переговоровъ, которыя были бы устранены при другой систематизаціи.

Впрочемъ авторъ, въ самое основаніе своего изслѣдованія поставилъ такое положеніе, которое неминуемымъ образомъ должно было закрыть отъ него ясное и всестороннее пониманіе Восточнаго вопроса. Въ самомъ предисловіи онъ говоритъ, что считаетъ необходимымъ выдѣлить національный и вѣроисповѣдный вопросы въ отношеніяхъ Россіи къ Турціи отъ экономическихъ и торговыхъ вопросовъ и интересовъ. Онъ ставитъ не только русской, но и иностранной литературѣ въ вину, что она обращаетъ слишкомъ большое вниманіе на племенную религіозную связь, соединяющую русскій народъ съ христіянскимъ населеніемъ Турціи, между тѣмъ какъ Россія постоянно имѣла въ виду свои «ближайшіе интересы», которые требовали открытія доступа въ Черное море и свободы плаванія чрезъ проливы (стр. 106). По его мнѣнію, турецкій султанъ потому такъ рѣшительно отказалъ Петру I допустить на Черномъ морѣ русское судоходство, что боялся нашего «юнаго флота», который состоялъ изъ двухъ трехъ судовъ, наведшихъ на него «страхъ» (стр. 36)! Далѣе, по мнѣнію Г. Уляницкаго, напрасно приписываютъ Императрицѣ Екатеринѣ II серьезную мысль облегчить участь христіанъ въ Турціи и ошибается Г. Барсуковъ говоря, что эта мысль не была чужда даже «простымъ русскимъ людямъ» (стр. 123).

Весь пресловутый греческій проектъ «Екатерины II былъ только» минутнымъ увлеченіемъ и если появился на сцену то только *«случайно»* — вслѣдствіе географическаго положенія княжествъ (Молдавіи и Валахіи) и успѣховъ русскаго оружія въ связи съ ихъ единовѣріемъ съ Россіею (стр. 130). Мимоходомъ будь сказано, что мы думаемъ, что не «случайно» то, что зависитъ отъ географическаго положенія и основывается на единовѣріи.

Впрочемъ, онъ не отрицаетъ, что для русскаго народа патріотизмъ слился съ защитою православія, распространеніе его съ распространеніемъ вліянія Россіи (стр. 109); онъ самъ приводитъ извѣстную прокламацію гр. Орлова къ Грекамъ, въ которой, отъ имени Императрицы, имъ обѣщается освобожденіе отъ турецкаго ига. Но ко всѣмъ этимъ фактамъ, говоритъ авторъ, не слѣдуетъ относиться «слишкомъ серьезно», ибо эта единовѣрческая связь

была только «политическимъ средствомъ», а въ дѣйствительности всегда имѣлись въ виду ближайшіе интересы Россіи!

Такая постановка вопроса объ историческихъ отношеніяхъ Россіи и Турціи мнѣ кажется не правильною. Нѣтъ никакой возможности понять эти отношенія, какъ политическія, такъ и экономическія, не имѣя въ виду связей единоплеменности и единовѣрія, соединявшихъ значительную часть подданныхъ султана съ русскимъ народомъ. Нельзя себѣ представить, чтобъ Россія пріобрѣла со временъ Екатерины II такое преобладающее положеніе въ Константинополѣ и такія исключительныя торговыя преимущества, еслибъ она не имѣла постоянныхъ и вѣрныхъ союзниковъ въ самомъ населеніи Оттоманской имперіи.

Турецкое правительство выказываетъ уже въ XVI в. опасенія насчетъ Московскаго государства, связаннаго національными и духовными связями съ большинствомъ его европейскихъ подданныхъ. Порта смотрѣла на Россію, какъ на могущественную державу, съ которою ей выгодно поддерживать миролюбивыя отношенія [1]). Московскіе цари признавали себя наслѣдниками византійскихъ императоровъ и защитниками вселенскаго православія. Они сами еще не думали объ освобожденіи подвластныхъ Туркамъ христіанъ, но за то послѣдніе постоянно были убѣждены, что Московское православное правительство навѣрно освободитъ ихъ отъ ненавистнаго турецкаго ига и возвратитъ имъ прежнюю свободу и самостоятельность. Христіанскія народности Турціи не могли отказаться отъ мысли, что русскій царь положитъ конецъ мусульманскому владычеству, овладѣетъ Константинополемъ и изгонитъ оттуда всѣхъ Турокъ.

Совершенно справедливо говоритъ Г. Коптеревъ, въ своемъ изслѣдованіи отношеній Россіи къ православному Востоку: «эти представленія о политической роли русскаго государства относительно порабощеннаго Востока, опиравшіяся на дѣйствительномъ ростѣ и быстротѣ развитія политическаго могущества Россіи, разъ возникнувъ и открыто заявивъ себя, никогда уже болѣе не исчезали, но все глубже и глубже входили въ сознаніе порабощенныхъ Тур-

---

[1]) Срав. любопытныя свидѣтельства венеціанскихъ посланниковъ XVI вѣка, бывшихъ въ Константинополѣ о страхѣ, который уже тогда наводила на могущественныхъ Турокъ едва извѣстная имъ Москва. См. Alberi. Relazioni degli Ambasciatori Veneti. t. I—II. Relazioni Soranzo—1576; Lorenzo Bernardo—1592; Marcantonio Barbaro 1573; Matteo Zane — 1594 etc.

ками православныхъ народовъ, тѣмъ болѣе что другаго православнаго царства, на которое они могли бы перенести свои завѣтныя чаянія о возвращеніи себѣ свободы и самостоятельности, не было» [1]).

Только имѣя въ виду эту постоянную грозящую турецкому владычеству опасность со стороны Россіи, можно себѣ объяснить почему турецкое правительство никакъ не хотѣло открыть для русскихъ судовъ доступъ въ Черное море; почему оно отрицало, что другіе народы плавали на этомъ морѣ и почему оно только для русскихъ должно было быть «чистою и непорочною дѣвицею». При постоянномъ страхѣ предъ Россіею Турція не могла допустить чтобъ русскія военныя суда свободно плавали черезъ проливы. Пока она въ состояніи была противиться этому требованію Россіи, она это дѣлала. Но со временъ Екатерины II безсиліе Турціи обнаруживается все болѣе и болѣе и торговый трактатъ 1783 года, о которомъ Г. Уляницкій не успѣлъ сказать что нибудь, обезпечиваетъ за русскими судами полную свободу судоходства въ Черномъ морѣ. Нашъ посланникъ Я. Н. Булгаковъ, заключившій трактатъ 1783 года, имѣлъ право сказать въ своемъ письмѣ къ графу Румянцеву отъ 15 (26) іюня 1783 года, что этотъ трактатъ изъ 81 артикула, изъ коихъ многіе казались даже и самимъ Туркамъ невозможными, «можетъ скорѣе почесться за уложеніе, обнародываемое государемъ въ своихъ владѣніяхъ, нежели договоромъ между двумя сильными Имперіями, потому что въ немъ все служитъ къ нашей пользѣ, а мнимое для Турокъ взаимство состоитъ только въ словахъ» [2]).

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что если Екатерина II могла достигнуть такихъ блестящихъ результатовъ, то она обязана этимъ не только побѣдамъ русскихъ войскъ и ея политическому искусству, но прежде всего тѣмъ *внутреннимъ* недугамъ, которые подтачивали основанія Оттоманской имперіи въ Европѣ и привели къ современному процесу разложенія этого государства. Западно-европейскіе историки и публицисты не ошибаются, приписывая племенному и духовному единству европейскихъ подданныхъ султана съ русскимъ народомъ рѣшительное значеніе для увеличенія политическаго могущества и вліянія Россіи въ отношеніи Турціи.

---

[1]) Коптеревъ. Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Москва 1885, стр. 367.

[2]) Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. XLVII, стр. 68.

Новѣйшій изслѣдователь австрійской восточной политики справедливо говоритъ, что Россія опередила Австрію на Востокѣ потому что христіанское населеніе Турціи ожидало только изъ С.-Петербурга выхода изъ своего угнетеннаго положенія. Для православнаго населенія въ предѣлахъ Оттоманской Имперіи «Россія оставалась Меккою, куда устремлены были всѣ взоры славянъ» [1]).

Такимъ образомъ мнѣ кажется совершенно невозможнымъ «выдѣлить вопросы вѣроисповѣдный и національный отъ экономическихъ интересовъ, охраненія которыхъ добивалась Россія въ предѣлахъ Оттоманской Имперіи, Если, по мнѣнію Г. Уляницкаго, эта національная и духовная связь между православными подданными султана съ русскимъ народомъ, служила *«только* политическимъ средствомъ» въ рукахъ русскаго правительства, то нельзя отдѣлить это средство отъ цѣли. Необходимо было для уразумѣнія цѣлей русской торговой политики въ XVIII столѣтіи вникнуть въ средства, которыми пользовалось русское правительство для ихъ достиженія. Такого выдѣленія средствъ отъ соотвѣтственныхъ цѣлей нѣтъ въ жизни и не должно быть въ политическихъ наукахъ или въ исторіи явленій общественной науки.

Впрочемъ эти немногія критическія замѣчанія, которыя я позволилъ себѣ сдѣлать о сочиненіи Г. Уляницкаго могутъ только служить доказательствомъ того исключительнаго интереса, котораго оно заслуживаетъ. Значительныя достоинства его не подлежатъ никакому сомнѣнію: рѣдкое трудолюбіе автора, огромное количество новаго архивнаго матерьяла, собраннаго и изданнаго имъ; большое знакомство съ относящеюся къ предмету историческою литературою и наконецъ ясное изложеніе всѣхъ главнѣйшихъ стадій въ исторіи взаимныхъ отношеній Россіи и Турціи въ прошломъ столѣтіи — все это вмѣстѣ взятое даетъ, по моему мнѣнію, Г. Уляницкому право на полученіе *меньшой* Уваровской преміи.

[1]) Beer. Die orientalische Politik Oesterreichs seit 1774. Wien 1883, S. 27, flg.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Февраль 1886 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9-я лин., № 12.)

2007041314